

А. В. Кистанова

Херсонский государственный университет

Эмблематическая традиция в поэзии Г. Державина, посвященной Екатерине II

Кистанова А.В. Эмблематична традиція у поезії Г. Державіна, присвяченій Катерині II. Статтю присвячено емблематичній складовій російської культури кінця XVIII століття, а саме свідомій інтенції Г. Державіна включити свої твори у риторичний контекст доби, спорядивши їх емблематичними віньєтами. У статті розглядаються вірші, присвячені Катерині II, аналізується співвідношення поетичних текстів та емблематичних малюнків, досліджується роль та функції емблем та специфіка їх художньої реалізації в поезії «співця Феліци».

Ключові слова: *алегорія, малюнок, текст, емблема.*

Кистанова А.В. Эмблематическая традиция в поэзии Г. Державина, посвященной Екатерине II. Статья посвящена эмблематической составляющей русской культуры конца XVIII века, а именно осознанной интенции Г. Державина включить свои произведения в риторический контекст эпохи, снабдив их эмблематическими виньетами. В статье рассматриваются стихотворения, посвященные Екатерине II, анализируется соотношение поэтических текстов и эмблематических рисунков, исследуется роль и функция эмблем и специфика их художественной реализации в поэзии «певца Фелицы».

Ключевые слова: *аллегория, рисунок, текст, эмблема.*

Kistanova A.V. Emblematic tradition in G. Derzhavin's poetry devoted to Catherine II. The article is devoted to emblematic component of the Russian culture of 18th century, that is G. Derzhavin's conscious intention to include his works into rhetorical context of the epoch having supplied them with emblematic vignettes. The article focuses on the verses dedicated to Catherine II: correlation between poetic texts and emblematic pictures is analyzed; role and functions of emblems and specificity of their artistic realization in G. Derzhavin's poetry are investigated.

Key words: *allegory, picture, text, emblem.*

Русская культура XVIII века являет собой сложный и противоречивый феномен. Европеизация и секуляризация всех сфер общественной и культурной жизни продуцирует смену аксиологических приоритетов, изменения картины мира и концепции личности. Традиционалистское художественное сознание, мыслящее готовыми образами, активно использует в светской культуре и искусстве накопленный европейской эмблематикой арсенал.

В России эмблематика актуализируется в начале века, преимущественно посредством изданной по приказу Петра I книги «Символы и эмблемата» [1:78; 3:17]. Эмблематические образы используются как практическое пособие и материал для организации церемониальных мероприятий царского двора, востребованы в декорировании усадеб и парков, надгробий, в живописи, театральном искусстве и литературе. По мысли Е. Григорьевой, весь «XVIII век проходит в России под знаком эмблемы... характеризуется определен-

ным панэмблематизмом» [1:83]. К концу века эмблематика, укорененная в художественном сознании, реализуется в творчестве как сознательно, так и как проявление культурной памяти, выражаясь в поэтических текстах аллюзиями на эмблемы, отдельные их элементы. Ярким примером осознанного обращения к эмблематике выступает Г. Державин, замысел которого объединить поэтический текст и рисунок, был позже осуществлен в Собрании сочинений поэта, изданном Я. Гротом.

Связь живописи и поэзии в державинских текстах стала предметом изучения Е. Данько и Е. Петровой, а эмблематический характер этой связи, впервые отмеченный еще Ф. Буслаевым, рассматривался такими исследователями, как А. Махов, Е. Григорьева. Так, последней предпринята попытка проследить новаторство Г. Державина по отношению к эмблеме, показать ее функциональную реализацию в поэтическом тексте. Обширность материала для изучения дает

исследовательнице возможность лишь конспективно очертить основные направления взаимодействия рисунка и поэтического текста, тогда как детальный анализ корпуса державинской стихотворений и прилагаемых к ним эмблем остается делом дальнейших литературоведческих и интермедиаальных студий. Цель данной статьи — проанализировать тексты стихотворений Г. Державина, посвященные Екатерине II, и виньетки, которыми обрамляется поэтический текст, в контексте их эмблематической насыщенности, проследить связь вербальной и изобразительной компоненты.

Жизнь российского царствующего дома со времен Петра была тесно связана с аллегориями и эмблемами. Иллюминации, фейерверки, триумфальные ворота сопровождаются изданием специальных брошюр с их описанием и разъяснением [1:79]. Екатерина II представляла современникам в аллегорическом образе Минервы, с атрибутикой правосудия, законности и власти. Эта линия изображения императрицы фиксируется Г. Державиным в его стихах и рисунках к ним. В силу пластичности, свойственной художественному миру поэта, словесный образ нуждался в подтверждении его зрительным. По свидетельству Е. Петровой, без иллюстраций поэт «не мыслил полноценного читательского восприятия своих произведений» [5:379], причем соотношение «рисунок — текст» построено преимущественно по принципу взаимодополняемости.

Традиционно эмблема трехчастна, ее семантическим центром является графическое изображение (*pictura*), а девиз / надпись (*inscriptio*) и подпись / объяснение (*subscriptio*) обрамляют рисунок, поясняя и, в определенной степени, редуцируя его. У Г. Державина «именно поэтический текст (тождественный *subscriptio* эмблемы) играл центральную роль, а рамкой служила пара аллегорических изображений: заставка и концовка» [4]. Парадоксально, что текст и рисунок, представляющие единое образование, не связаны между собой непосредственно, поэт декларирует «относительную свободу рисунка от его поэтического аналога» [1:29]. По мысли Е. Григорьевой, основанной на заметках Н. Львова и А. Оленина, ближайших друзей Г. Державина, принимавших активное участие в создании виньет, можно выделить три типа рисунков: распространяющие, повторяющие и свертывающие текст [1:31–32].

В силу такого различного подхода державинский текст практически всегда не тождественен рисунку, хотя отдельные словесные образы дублируются изобразительными. Так, в оде «На отсутствие ее величества в Белоруссию» начальная виньета, которой в содержательном аспекте соответствует четвертая строфа стихотворения, выполнена в стиле аллегорической живописи того времени. Согласно официальной традиции, Екатерина предстает в образе Минервы, «с копьем и щитом в руках» [6:40]. Аллегорические фигуры, сопровождающие монархиню, в целом сохраняют облик, отраженный в сборнике эмблем, немного отличаясь в деталях: Человеколюбие изображено в образе жены, с двумя младенцами [6:35], Истина в образе нагой женщины с зеркалом в руке [6:32]. Эмблематичность рисунка имеет свой источник: им стал барельеф сенатской залы, придуманный Н. Львовым и выполненный известным скульптором Я. Рашетом, что прямо свидетельствует об экфрастичности поэтического сознания Г. Державина. Рисунок в конце оды, изображающий Флору, которая посылает Зефира навстречу государыне, не соотносится непосредственно с текстом стихотворения. Образ Флоры выражает общее, неконкретизированное описание весенней природы, данное в произведении. Зефир вербально изображен как «приятный ветер полдневный», тогда как его аллегорический облик несколько отступает от традиции: вместо крылатого младенца — крылатый же юноша, рассыпающий цветы.

В оде «Изображение Фелицы» (1789) расширение границ текста происходит уже за счет несовпадения названия оды и рисунка, на котором Екатерина изображена в образе Минервы. Аллегорическая картина в основном совпадает с шестой и отчасти седьмой строфой текста: Екатерина одета в «доспехи, брони златы», на ней блистает «пернатый шлем», зефиры, изображенные в виде путто (крылатых младенцев), развевают ее волосы. Под всадницей крутится «белый бодрый конь», а Россия в виде седого старика Норда (Севера), «падши на колена», подносит ей скипетр и венец. На рисунке присутствует и аллегорическое изображение военной славы — трофейное оружие и лавровый венок, который в сочетании с образом орла читается как победы русского оружия под предводительством российской Минервы. Таким образом, начальный рисунок отчасти сходен

с картинами триумфов, характерных для придворной культуры XVIII века. Рисунок в концовке оды также представляет собой аллегорическое изображение доминирующего положения России на политической арене эпохи и соотносится с сорок седьмой строфой стихотворения: «На стребролунно государство / Простри крылатый, сизый гром; / В железно-каменное царство / Брось молнии и поставь вверх дном; Орел царевнин бы ногою / Вверху рога луны сгибал, / Тогда ж бы на земле другою / У гладна льва он зев сжимал» [2:291–292]. В аллегории легко прочитывается победа России над Турцией (1787–1791) и Швецией (1788–1790).

Традицию аллегорического изображения Екатерины II продолжает написанная в том же году «Кантата» (1789), где, виньета, согласно объяснениям поэта, представляет изображение «российского божества, означающее все добродетели и все достоинства» [2:306]. На рисунке изображена полулежащая на пьедестале женская фигура, в которой по внешнему облику и атрибутике не сложно узнать российскую монархиню. Шлем на ее голове символизирует военные дела, лавровый венок — военную славу, «руль правления» — власть, лира в руках — любовь к искусствам и наукам, сидящий рядом орел — Россию. Таким образом, хотя императрица и не названа прямо, рисунок связан с текстом кантаты посредством темы стихотворения — похвал Екатерине, которые поэт расточает монархине: «Щедрот источник, Россов радость, / Посланица и друг небес» [2:305], «О наша мать! сердце царица! / О ангел, а не человек! / О кротка Севера денница! / Сияй и озаряй нас век» [2:306]. Божественность императрицы, заявленная в рисунке, акцентируется и в тексте кантаты: «Ангел, а не человек».

Человеческие характеристики императрицы подчеркиваются Г. Державиным в двух одах, где она именуется Фелицей — одноименной (1782) и оде «Приношение монархине» (1795): «Народ счастливый и блаженный / Великой бы ее нарек, / Поднес бы титлы ей священные; / Она б рекла: «Я человек»» [2:289]. Начальный рисунок первой оды, выполненный А. Олениным, отсылает к сказке, написанной Екатериной II для юного Александра: царевна Фелица показывает царевичу Хлору гору, где растет роза без шипов, символ добродетели. По замыслу Г. Державина, на рисунке должен был быть изображен орел, встречающий царевича при храме мудрости и бессмертия. А. Оленин сохраняет образ сияющего храма на горе и орла как геральди-

ческого символа России, но вводя в виньету образ Фелицы, акцентирует адресата оды. Образ храма, означающий в эмблематике того времени добродетель и честь, сочетается с содержанием сказки о царевиче Хлоре, поскольку именно там цветет роза без шипов и «добродетель обитает». Сияние, исходящее от храма, прогоняющее тьму и ложь, — частый атрибут аллегорических картин, посвященных императрице, что фиксирует Г. Державин в тексте оды. Образ монархини коррелирует с образом Бога, Екатерина обладает его характеристиками: демиургически творит «свет из тьмы», освещает равно праведных и грешных, у ее трона «добродетели сияют». Таким образом, А. Оленин, следуя замыслу Г. Державина, связывает произведение Екатерины с эмблематической культурой эпохи, но многократно усиливает эмблематическую линию, за счет чего начальная иллюстрация к оде превращается в аллегорическую картину. Интересно, что финальная виньета реализует противоположную интенцию: ее предметом служит последний стих восьмой строфы — «Лечу на резвом бегуне», относящийся к графу А. Орлову, большому «охотнику до скачки лошадиной» [2:137]. Здесь виньета представляет собой зарисовку с натуры. Аллегорическая культура эпохи сочетается, таким образом, с реальной жизнью, многократно расширяя границы текста.

Подобное соотношение аллегории и предметов вещного мира наблюдаем в рисунке к стихотворению «Приношение монархине», где эмблематические элементы функционируют наравне с реалиями и автобиографическими деталями, упомянутыми в поэтическом тексте. Так, картина изображает «киргизского мурзу, посвящающего свою лиру Фелице. Богоподобная царевна взирает на него с высоты эфирной, левой рукой опираясь на полсвета, заключающиеся в ее царстве; в правой имеет руль правления; под ее стопами орел раздирает ехидну, означающую ненависть и злобу» [2:717]. Рисунок коррелирует с отдельными строками стихотворения даже в пространственном отношении: Фелица «с высоты эфирной» благосклонно смотрит на коленопреклоненного мурзу, держащего в руках лиру с надписью «Фелица»; в поэтическом тексте высокая, «небесная» лексика — «Поэзия», истина, Бог, престол, добродетель, «небесная улыбка», благоволение — противопоставляются земной, mortalной — «алчный червь», «гробовые обломки», «прах костей». Аллегорический «руль правления» как эмблема власти, «пол-

света», традиционно поданные в виде половинки земного шара, контрастируют с изображением крыши вросшего в землю дома. Орел, «терзающий ехидну», которая в словарях эмблем олицетворяет злобу, иллюстрирует строку: «как мне была и есть ты от клевет спасеньем» (в первоначальном варианте — «от злобы ты спасеньем») [2:715], явно имеющую автобиографический характер. Таким образом, несмотря на вознесенность императрицы по отношению к лирическому субъекту поэта, она все же человек, и тем самым, близка ему.

Непосредственно к образу Екатерины поэт обратился еще два раза в связи со смертью императрицы — «Надгробная императрице Екатерине II» (1796) и «На кончину императрицы Екатерины II и восшествие на престол императора Павла I» (1799) (строго говоря, последнее является переводом с еврейского). Оба стихотворения обрамлены эмблематическими рисунками. В первом случае половина земного шара освещается «бессмертным лучом, начало свое в вечности имеющем» [2:790], а крылатые Гении, обладающие атрибутикой, которая отсылает к военному делу, наукам и художествам, украшают этот луч цветами. Снова акцентируется небесная, божественная природа Екатерины. Скорбящий север, традиционно изображенный в облике древнего старца, рыдает о монархине, но эмблематичность образа разрушается одной деталью: повернувшись спиной и краем глаза наблюдая за происходящим, он вытирает слезы рукой. Этот вполне человеческий жест в сочетании с рефреном стихотворения многократно усиливает скорбь поэта, выступающего от лица всего народа: «Се в гробе образец царей! / Рыдай... рыдай... рыдай о ней» [2:790]. Виньета в концовке оды подчеркивает государственные дела Екатерины, представляя ее в образе справедливой законодательницы: на рисунке изображены весы,

которые «основанием своим имеют блистательный источник правоты» и книга, символизирующая свод законов, увенчанная масличным венком, согласно объяснениям Г. Державина, означающим «благодетельный успех».

Виньеты ко второму стихотворению не равнозначны тексту: они иносказательно повествуют о смерти императрицы, тогда как сама ода большей частью посвящена Павлу I. Начальный рисунок представляет «распростертого от печали орла», под крыльями которого «на кипарисной ветви и лакриматории (слезном сосуде) лежит императорская корона» [2, II:266]. Вторая часть рисунка изображает душу в облике молодой крылатой женщины, возносящуюся к открывшейся на небесах двери, представляющей, по слову поэта, «недра бессмертия». Эмблематическая составляющая образов очевидна: геральдический орел, лакриматорий и кипарис как аллегория скорби, невесомая крылатая сущность как аллегория души. Финальная виньета не проясняет своего адресата, она может быть применима как к образу Екатерины, так и к образу Павла: держава как аллегория царской власти, лежит на цепи, которая соединяет юг и север, символизирующей географическую протяженность России, и висящая изпод нее хартия с надписью, звучащей как эмблематический девиз: «Полсвета содержу» [2, II:266], вполне применимый к российскому императорскому дому.

Таким образом, эмблематическая составляющая виньет к стихам Г. Державина тесно связана с поэтическим текстом, но не тождественна ему. Традиционные образы-эмблемы, иногда в сочетании с элементами реального мира, расширяют текстовое пространство либо содержат в себе отдельные элементы текста, проясняя его, включая поэзию Г. Державина в интермедийный контекст художественного пространства XVIII века.

Литература

1. Григорьева Е. Г. Эмблема: Очерки по теории и прагматике регулярных механизмов культуры. / Е. Г. Григорьева. — М. : Водолей Publishers, 2005. — 232 с.
2. Державин Г. Р. Сочинения : в 9 т. : с объяснительными примеч. Я. Грота / Г. Р. Державин. — СПб. : Издательство Императорской Академии наук, 1864–1883. — Т. 1. : Стихотворения. Часть I. — 1864. — 812 с. ; Т. 2. Стихотворения. Часть II. — 1865. — 736 с.
3. Махов А. Е. «Печать недвижимых дум». / А. Е. Махов // Эмблемы и символы / Вступит. ст. и комм. А. Е. Махова. — М. : Интрада, 2000. — С. 5—20
4. Нестеров А. Иконография и поэзия, или Комментарий к некоторым текстам Мандельштама, написанный на основе emblemata. / А. Нестеров [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. — 2004. — № 67. —Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/67/nest7-pr.html>.

5. Петрова Е. И. Иллюстрации к Анакреонтике Г. Р. Державина. Замысел и история создания / Е. И. Петрова // Державин Г. Р. Анакреонтические песни. — М. : Наука, 1987. — С. 37—395.
6. Эмблемы и символы / Вступит. ст. и комм. А. Е. Махова. — М. : Интрада, 2000. — 368 с.